

Вал. А. Луков

Молодежь в свете перспектив человека и общества*

Теоретическое осмысление молодежи в начале XXI века по основным линиям продолжило традиции, заложенные еще в XVIII–XIX веках как своего рода открытие века Просвещения (это открытие прежде всего связывают с романом «Эмиль» Ж. Ж. Руссо) и перешедшие из преимущественно сферы социальной философии и художественной литературы в сферу науки — психологии, антропологии, социологии — в веке XX. Разумеется, возникли и новые темы, сформировались новые концепции.

В отечественной социологии, например, возникла возможность трактовать молодежную тематику, опираясь на такие концепции, как гуманистическая концепция молодежи (И. М. Ильинский), концепция социализации молодежи (А. И. Ковалева), рискологическая концепция молодежи (Ю. А. Зубок), концепция социального развития молодежи (В. И. Чупров), ювенологическая концепция (Е. Г. Слуцкий), концепция культурной субъектности молодежи (Е. Л. Омельченко), тезаурусная концепция молодежи (Вал. А. и Вал. А. Луковы) и др.¹ Хотя истоки и первые наброски этих концепций относятся к концу XX века, их окончательное оформление следует связывать с веком XXI, и не только исходя из хронологии основных публикаций, но и по существу: новое столетие с присущими ему факторами глобализации, перехода к реальному информационному обществу, новым возможностям самореализации человека вплоть до овладения уже не на уровне мистических практик, а в формах науки ключами к самим перспективам человеческого бытия делает

теории молодежи не надстройкой к эмпирическим исследованиям в духе теории среднего уровня по Р. Мертону, а полем освоения Будущего через его представителя в Настоящем — молодого человека, молодежь.

Однако зададимся вопросами: что же дает соединение теоретических постулатов о молодежи и о перспективах человека и общества? Обновляется ли при смене внешних обстоятельств существенная часть теорий молодежи, отражая трансформации в том объекте, который находится в их центре, — молодежи как таковой? Наконец, насколько практически важна фиксация этих новых внешних обстоятельств и результатов их влияния на то, как понимается молодежь в социальной теории?

ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАНИЦЫ МОЛОДОСТИ

Изменения, привнесенные в человеческую жизнь на рубеже веков, могут быть разделены на те, которые раздвигают границы человеческой жизни, и те, которые расширяют спектр и увеличивают масштабы возможностей человека. И первая, и вторая группы изменений непосредственно затрагивают перспективы молодого человека.

Что касается первой группы, то некоторые из перемен такого рода хорошо известны и нарастают из столетия в столетие по мере освоения цивилизациями средств продления человеческого века. Тем не менее и здесь возникает новый круг проблем, которые хорошо показал Б. Г. Юдин на одном из примеров: возможность поддерживать в биологическом организме процессы дыхания

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №07-06-00069).

и кровообращения с помощью искусственных средств (аппараты искусственного кровообращения и искусственной вентиляции легких и т. д.) спасла жизни множества пациентов, которые прежде были обречены. «Именно таким, в высшей степени благородным и морально достойным, побуждением — как можно дальше отодвинуть роковую черту смерти — и руководствовались ученые и врачи, работавшие в этой области. Но их революционные достижения привели к появлению новых трудностей не только чисто технического, но и морально-этического, юридического характера, поскольку культура оказалась не готовой к тем переменам, которые были порождены этими достижениями», — обобщает Б. Г. Юдин². В этом культурном противоречии, касающемся всего, что ведет к переконструированию важнейшей человеческой ценности — жизни самого человека, и состоит одна из фундаментальных *молодежных* проблем завтрашнего дня (с учетом, что это завтра уже началось), а именно проблема социализации в плане поддержания ее устойчивости при смене поколений.

Освоение социальности молодым человеком подвержено многочисленным влияниям и составляет сложный и противоречивый процесс. В переходные периоды на социализацию значительное влияние оказывает социальная аномия, расширяющая границы дозволенного. Тем не менее в культурных кодах новое поколение получает — часто незримо, вне рациональных систем воспитания — сгустки социального опыта предыдущих поколений. Если социальная аномия сметает периферию ценностного мира, то это хоть и потрясает общество, но не разваливает его. Если же она покушается на ядро тезауруса³ — картину мира, социализационный процесс подвергается очень серьезным испытаниям. В этом плане всякое *улучшение* человеческой природы оказывается наиболее драматичным обстоятельством, подрывающим безопасность человека и человечества.

Сторонники нового течения общественной мысли — трансгуманизма, порожденно-

го невиданными успехами в развитии биотехнологий конца XX — начала XXI века, утверждают: «Следующие 50 лет искусственный интеллект, нанотехнологии, генетическая инженерия и когнитология позволят людям забыть об ограниченности человеческого тела. Средняя продолжительность жизни приблизится к столетию. Возможности наших органов чувств и познавательной деятельности будут увеличены. Мы будем обладать более развитыми способностями контроля над нашими чувствами и памятью. Наши тела и мозг будут окружены и поглощены компьютерной энергией. Мы будем использовать эти технологии для воспроизведения себя и себе подобных, что расширит границы возможностей человека»⁴. Такова перспектива. Она не столь фантастична, не столь нереальна, более того, уже сейчас обсуждается как технически возможная — хотя бы и не в полном объеме. Для человека такие перспективы могут казаться заманчивыми, для процесса же его социализации таят угрозы и риски, каких не знала история, — именно потому, что затронуты не отдельные идеи или деяния человека, а его природа.

В плане перспектив молодого человека, в частности, совсем иначе должны определяться его возрастные границы. Молодость — свойство человека, которое основывается не только на показателях биологического возраста как периода достижения половой зрелости, физической и психической сформированности. Социальный статус молодого человека более или менее соотносим с биологическими характеристиками, но с немалым люфтом и автономностью, особенно проявляющейся в определенных жизненных ситуациях и событиях.

Трансгуманистическая идея 100-летней средней продолжительности жизни (а есть уже представления, что нанотехнологии позволят продлевать жизнь до 1000-летнего возраста) совсем не предполагает, что молодость в этом случае останется в тех же биологических возрастных границах, да было бы и странно восхищаться увеличением срока жизни за счет пролонгирования старости.

Значит, граница молодости значительно отодвинется (на несколько десятков лет) от нынешней и как биологически закрепленный параметр, и как социальная норма, и как культурный знак. Между тем такого рода изменения не остаются незаметными для общества и порождают немалые напряжения. Так, даже относительно небольшое (на 5–7 лет) раздвижение границ молодости в социальном и культурном смысле в связи с развитием в послевоенные годы системы среднего и высшего образования породило в мире мощные процессы, охватившие экономику, политику, идеологию, культуру. Энергия противодействия ограниченному не законом, а повседневной жизнью социальному и культурному статусу в немалой степени определяла свойства студенческих выступлений 1960-х годов в Европе и Америке именно как бунта, который далее обретал формальные очертания в виде контркультуры, субкультурных феноменов и т. д.

На личностном уровне в молодежной среде в конце XX века укрепились тенденции инфантилизма. В начале XXI века социальным феноменом стали *кидалты* (kidults от англ. kid — ребенок, и adult — взрослый). Этим термином стали обозначать людей, уже вышедших по возрасту за пределы обыденных представлений о молодом человеке (старше 35 лет), которые «с детским восторгом воспринимают все новое, яркое, экстравагантное и бесполезное и готовы потратить на это любые деньги»⁵. Их стиль жизни характеризуется «синдромом Карлсона»⁶: они живут в виртуальном мире компьютерных игр, смотрят мультфильмы вроде «Шрека» или «Футурамы» и включают в «серьезную» жизнь (в том числе в работу) лишь в виде отдыха от основного занятия. В США, по данным на октябрь 2007 г., насчитывается 7 млн человек, которые считают себя кидалтами⁷. Этот феномен отмечается по всему миру, в том числе и в России.

Разумеется, можно считать кидалтов представителями очередной субкультуры и изучать их в ключе культурной антропологии. Не следует забывать, что о популярности та-

кого стиля жизни мы знаем преимущественно из СМИ, которые конструируют социальную реальность, создавая сенсации и раздувая ажиотаж вокруг явлений, не столь уж значительных и новых, но маркированных новыми знаками. Мы обращаем на это внимание, поскольку в новых концепциях молодежной политики, разрабатывающихся в России, кидалтам как альтернативе активной жизненной позиции молодежи придается неоправданно большое значение.

Но, по всей видимости, есть повод за такого рода социальными феноменами увидеть не столько субкультурный путь самовыражения и защитный механизм от ужасов повседневности, сколько просыпающиеся импульсы коллективного бессознательного, которые реагируют на предстоящие изменения в биологических параметрах продолжительности жизни человека.

Для молодого человека как мыслящего и действующего человеческого существа могут стать перспективой и ловушкой одновременно те проектируемые изменения в человеке, которые расширяют спектр и увеличивают масштабы его возможностей (то, что мы посчитали второй группой изменений). Перспективы действительно впечатляющие, они-то и толкают некоторую часть состоятельных родителей на осуществление индивидуального проекта искусственной вундеркинзии своих детей. Существенно то, что эти действия нередко направлены не на совершенствование образовательных программ и подбор наиболее подготовленных педагогов, а на активизацию свойств человека, о которых мало что известно, а известное сочетает в себе научные знания с мистикой и догадками.

Такова, например, получившая распространение версия о *детях-индиго*. Сам термин впервые был использован Нэнси Энн Тэпп в ее книге «Как разобраться в жизни с помощью цвета» (1982), где сообщалось, что способность видеть ауру человека позволила автору уже в 1970-е годы заметить, что аура многих детей окрашена в цвет индиго. Она даже утверждала, что более 80% рожден-

ных в то время детей обладают такой аурой, а с этим связывалась особенность новых детей: они более развиты, более находчивы, более независимы, что нередко создает проблемы в школе в кругу сверстников⁸. Тема ушла в СМИ, и после появления сенсационной книги Ли Кэррола и Джен Тоубер «Дети-индиго: Новые дети уже пришли» (1999)⁹ в обществе широко стала обсуждаться тема появления нового поколения с многочисленными талантами, высоко развитой интуицией, чувствительностью к энергетике и знаменующего собой новый виток эволюции человека. Возникли соответствующие объединения энтузиастов по разъяснению людям этого нового обстоятельства социальной и культурной жизни. Сегодня идея прихода в мир с началом XXI века человека с новыми, необычными способностями распространяется как научный факт. Так, в публикациях появляется статистика распространенности индиго, согласно которой сегодня среди 50-летних индиго составляют 1%, среди 30-летних — 10%, а среди 12-летних — 25%¹⁰. Есть еще более фантастические данные, которые никак не могут быть приняты всерьез. По этому поводу Е. Н. Черноземова замечает: «В современных публикациях о новых детях проскальзывает цифра — 98 процентов детей сегодня рождается с новыми качествами. Думаю, что цифра далека от реальности, а утверждение, связанное с ее использованием, безответственно. Если бы новых детей было 98 процентов, не было бы проблем в классах, где их третируют и бьют. Все бы друг друга понимали»¹¹. Тем не менее тема детей-индиго («тефлоновых детей», как их называют во Франции, «детей тысячелетия», как о них говорят в Великобритании, «детей света», как это звучит в России) вносится все в той же ажиотажной манере, и, например, утверждается, что «начиная с 2000 г. в России появилось огромное количество детей с необыкновенным уровнем интеллекта»¹². Насколько это правда, не здесь следует обсуждать, но в социальном аспекте это и не имеет значения, поскольку в повседневности действует принцип, обозначаемый

как «теорема Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях»¹³. Стремление развить в своих детях новые, необыкновенные способности и таланты, которые определят их будущее как успешное, обеспеченное, блистательное, — сильный мотив родительских забот. И уже сегодня по инициативе родителей из состоятельных семей создаются специальные условия для формирования качеств, необходимых для элиты будущего, с применением новейших разработок в области нейролингвистического программирования и т. п. Сама возможность перехода к индивидуальным проектам по переделке человека становится новым достижением и новым риском для человечества. Об этих проектах в аспекте биоэтики убедительно пишет Б. Г. Юдин¹⁴.

С точки зрения перспектив молодого человека такие эксперименты над ним в период детства могут породить самые неожиданные последствия, их результаты будут известны через 10–20 лет. Очевидно, что сейчас искусственная вундеркинизация не является массовой и не может быть таковой, поскольку, среди прочего, слишком дорого стоит. Но мы свидетели того, с какой скоростью новейшие информационные технологии врываются в мир, быстро, иногда за 2–3 года совершенно вытесняя технологии, хотя бы и качественные, но более дорогие. Нет никаких сомнений, что скоро методы нейролингвистики в тандеме с нанотехнологиями, генной инженерией на фоне здорового образа жизни, семейного уюта и т. д. станут доступными для среднего класса. И новое поколение достаточно быстро освоится на просторах высокой мысли, вытесняя нынешних интеллектуалов...

Но все дело в том, что это лишь поддороги, и трансгуманизм показывает довольно отчетливо, куда направляется этот проектируемый процесс, уже теряющий над собой социальный и культурный контроль. Идея в том, что надо выйти за пределы человеческого в человеке, оставить в прошлом гуманизм в духе эпохи Возрождения и эпохи

Просвещения, создать даже не нищенского сверхчеловека, а что-то такое, что нынешнему человеку и не понять.

На этой основе строится новая программа эволюции человека. Переходным типом является трансчеловек, впервые детально описанный пионером радикального футуризма FM-2030 (Fereidoun M. Esfandiary). Он называет такие признаки трансчеловечности, как улучшение тела имплантатами, бесполость, искусственное размножение и распределенная индивидуальность. По определению из «Словаря трансгуманистической терминологии», трансчеловек — это некто, активно готовящийся стать постчеловеком. Постчеловек (posthuman) — это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком. Идеал постчеловека выглядит, в описании трансгуманистов, так: «В качестве постчеловека вы будете обладать умственными и физическими возможностями, далеко превосходящими возможности любого немодифицированного человека. Вы будете умнее, чем любой человек-гений, и будете обладать намного более совершенной памятью. Ваше тело не будет подвержено заболеваниям, и оно не будет разрушаться с возрастом, что обеспечит вам неограниченную молодость и энергию. Вы сможете получить гораздо большие способности испытывать эмоции, удовольствие и любовь или восхищаться красотой. Вам не придется испытывать усталость или скуку и раздражаться по мелочам». В итоге «постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обе-

зьяне не понять сложности человеческой жизни»¹⁵.

В конечном счете, эксперименты с человеческим телом и психикой не могут не вести к переходу границ природного в человеке, и есть повод уже сегодня задумываться над тем, что это затрагивает перспективы человека не только в философском дискурсе о «венце всего живущего», но и в прямой связи к перспективам молодого поколения. Пока речь идет больше о расширении возможностей ребенка (интеллектуальных, физических и т. д.), т. е. о действиях в пределах второй группы изменений, привнесенных в жизнь человека на рубеже веков. Но это уже конкретные действия.

Возможно ли остановить такие эксперименты? Думается, лишь в определенной мере, и становление гуманитарной экспертизы¹⁶ может выступать здесь подобно графитовому стержню в ядерном реакторе. Но очень вероятно, что проекты создания постлюдей через 2–3 десятилетия совсем утратят черты фантастичности и, главное, не будут восприниматься как кошмар в обществе. И дело не только в невозможности полного государственного и общественного контроля за сферой научного творчества. Видимо, имеет значение и то, что человечество достигает новых уровней развития, когда ранее бывшие привилегией узкого круга посвященных (жрецов, мудрецов, ученых) знания о человеке и мире перестают передаваться по контролируемым ими каналам и при помощи секретных, только им понятных кодов. Ноосфера, о которой говорил В. И. Вернадский, становится все более реальной в технологическом отношении, и это требует осмысления как в общем плане, так и применительно к молодежной проблематике. Видный российский физиолог К. В. Судаков утверждает: «Развитие человеческого общества неуклонно движется от генетического способа передачи наследственной информации к обогащению информационных голографических экранов больших космических систем — созданию космического хранилища общественного и индивидуального знания —

Космического разума»¹⁷. Перспективы человека в этом аспекте в первую очередь будут реализовываться как перспективы молодого человека: мудрость и жизненный опыт отойдут на второй план.

Из этого, между прочим, следует, что теории молодежи не могут основываться только на обобщении эмпирических данных о сегодняшних процессах в молодежной среде и на ретроспективном обращении к молодежной проблематике прошлых эпох. В известном смысле они должны учитывать и возможные перспективы человека и общества, которые не могут не быть возможными перспективами и молодежи.

ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Если возникает новая рамка социального статуса и возможностей молодого человека, то не может остаться в неизменности и перспектива молодежи как социальной группы.

Мы должны при рассмотрении этого вопроса учитывать, что молодежь имеет признаки социальной группы в той мере, в какой они сконструированы данным обществом для данного уровня социальных отношений и с учетом требований, выдвигаемых культурой (иными словами, идущими от социального и культурного опыта предыдущих поколений и выступающих как культурная норма, образец, как непреодолимая сила менталитета народа). Такое конструирование ведется в соответствии с природой человеческих сообществ, но на определенных этапах развития приобретает и сверхприродные черты, реализуемые через систему социальных институтов.

Это обстоятельство требует пояснений. Очевидно, что молодежь была всегда и во всех типах человеческих сообществ. Однако это не та молодежь, которой сегодня занимаются исследователи современной цивилизации. Традиционное общество знает молодежь, выделяет ее (в том числе в форме отдельного поселения) и строго фиксирует переход во взрослость обрядом инициации. Такая молодежь есть совокупность молодых

людей данного рода, клана, племени. Здесь еще нет отрыва молодежи от взрослых, и социализация строится по модели постфигуративной культуры (по М. Мид). Это молодежь на микросоциальном уровне. И сегодня в странах, давно ушедших от традиционного общества, на этом (микросоциальном) уровне сохраняется множество черт (рудиментов) такой социальной организации. Но когда речь идет о молодежи на макросоциальном уровне, мы не можем ориентироваться на то, что молодежь существует всегда и везде, где есть смена поколений. На макроуровне это не так, и молодежь следует считать социальной конструкцией довольно позднего времени — примерно со второй половины XVIII века, если говорить о европейском типе цивилизации. Это новообразование появилось на фоне становления и развития ряда социальных институтов, связанных преимущественно с молодостью и формализацией социализационного процесса. В первую очередь это относится к выделению коллективных форм получения образования для светских нужд. Но еще долго нет возможности говорить о молодежи как о социальной группе в макросоциальном масштабе, хотя есть и студенческие братства, и хмельные кутежи молодых военных, и салоны и клубы — важнейшие институты светской жизни. Лишь к концу XIX века по мере укрепления института образования (высшего в том числе) и институционального омоложения армии (за счет сокращения срока службы), массового развития революционных кружков и, наконец, создания молодежных организаций можно говорить о молодежи в современном смысле этого термина. Не удивительно, что первые намеки на теории молодежи появляются в XVIII веке (Ж. Ж. Руссо), а первые обобщающие работы о молодежи, основанные на научных концепциях, возникают только в начале XX века (Г. Стэнли Холл, К. Гроос, Ш. Бюллер, Э. Шпрангер и др.).

Молодежь предстает перед обществом не как некая совокупность молодых людей, а как некоторым образом упорядоченная со-

циальная конструкция с ожидаемыми (нормативно фиксируемыми) свойствами, что на практике отражает развитие определенной группы социальных институтов. Институты обладают автономией в рамках общества как целого, что и придает молодежи специфические черты своего времени. Но это означает в аспекте нашей темы, что институциональные изменения по мере установления новых обстоятельств жизни человека и общества не могут не вести к изменениям в важнейших характеристиках молодежи как социальной группы.

Если в начале XX века лицо молодежи создавали юные пролетарии крупных промышленных предприятий, занятые физическим трудом, то в конце столетия социальный портрет молодежи определяли студенты и старшекласники, молодые специалисты и ученые. Институциональные изменения в сферах образования, науки, культуры оказались в этом отношении решающими предпосылками изменений молодежи и того жизненного мира, который она разделяла и несла с собой в общество (и в плане инноваций в вещном и символическом мире, и в плане понимания смысла жизни и жизненных приоритетов).

Что можно ждать от новых перспектив человека для изменений социального облика молодежи? Пока сильна тенденция к интеграции/дифференциации молодежи по другим основаниям, нежели социально-классовая группировка общества. Эти основания можно охарактеризовать как сходства/различия стилей жизни. В молодежной среде особенно видна усиливающаяся в масштабах всего общества субъективизация стратификационных различий. В исследованиях молодежных субкультур выявлена роль для реального группообразования в молодежной среде ориентации на те или иные музыкальные стили, дизайн одежды, манеру общаться и т. п. Однако это только вершина айсберга. Значение субъективных факторов в социальной стратификации резко возрастает в переходные периоды, когда неизбежные явления социальной аномии не позволяют социаль-

ным структурам выполнять в полной мере ориентирующую и контролирующую функции в обществе. В этих условиях стратификационные сходства и различия социальных общностей закрепляются в повседневности выбором определенных предметов и символов как субъективных средств групповой идентификации, а также признаков готовности к социальным переменам.

Это, в частности, показали исследования стратификационной роли мобильного телефона. Эмпирические исследования подтвердили, что стратификационно-маркировочная роль мобильного телефона проявляется прежде всего в молодежных группах и группах с невысоким доходом, стремящихся в ходе своей жизни занять более высокое социальное положение. Более того, в молодежной среде мобильный телефон играет важную идентификационно-маркировочную роль, т. е. становится предметом, который четко идентифицирует индивида с конкретной молодежной группой. В молодежных группах и группах с невысоким доходом проявляется феномен «престижного потребления» мобильных телефонов, когда покупка дорогого мобильного телефона осуществляется с целью повысить свой статус в глазах окружающих¹⁸. Но то же исследование показало, что значение подобного рода факторов для социальной стратификации преходяще, утрачивается в короткие сроки, так что сегодня существенна только общая тенденция к расширению оснований для структуризации общества (социально-классовые основания остаются при этом базовыми, но это не обязательно видно на поверхности, в молодежной среде особенно). В обобщенном виде можно говорить о возрастании роли культурных факторов организации социальной жизни в сравнении с факторами экономическими и политическими.

Из этого следует, среди прочего, и возможность влияния на социальную структуру ближайшего будущего факторов, которые следует связать с интеллектуальным ресурсом. Этот ресурс и раньше был существенным, но скорее в личностном и корпоратив-

ном, чем в макросоциальном плане. Сегодня в молодежной среде возникает дистанция по признаку *ум/глупость*, которая фиксируется, с одной стороны, через тенденцию к интеллектуальным прорывам (есть утверждения, что в результате мутации человеческого мозга вероятно появление нового типа человеческой расы, превосходящей нынешние именно по качеству интеллектуальной деятельности — по уму), с другой — через широкое распространение *синдрома Бивиса и Батхеда* (*The Beavis and But-Head Experience*)¹⁹.

Вполне вероятно, что новые обстоятельства биологического развития человека повлекут за собой изменения молодежи и в ее институциональных свойствах. Это положение требует некоторых пояснений. Дело в том, что уже давно и устойчиво молодежь рассматривается как социальная группа (в основном в формулировке «социально-демографическая группа»). Однако существуют разные представления о том, что включать в признаки социальной группы, в том числе и применительно к молодежной проблематике. Исходя из тезаурусной концепции молодежи, мы показали, что недостаточно рассматривать понятие «молодежь» как равное по своему объему совокупности молодых людей, и отнесли к атрибутам молодежи также ее вещный и символический мир²⁰. Теперь мы обращаем внимание на то, что в определенных социальных и культурных условиях на макросоциальном уровне свойства молодежи как социальной группы отрываются от их носителя и институционализируются, становясь таким образом внешней принудительной силой для индивида и в статусно-ролевом, и в ценностно-нормативном отношениях. И это касается не только представителей молодого поколения, но и индивидов из других возрастных групп. «Под молодежь» выстраиваются бизнес, массовая культура, архитектура, дизайн многих нововведений, политическая агитация и т. д., при этом в таком прагматическом использовании символического капитала молодежи сохраняется парадоксальная связь

социальной незрелости молодежи с телесной привлекательностью, жизненной энергией, сексуальностью юности.

Тем не менее возможно, что перспективы молодежи, по мере того как поддержание телесного и психического состояния на уровне, ныне присущем только молодым, станет обычной практикой для людей старших возрастных групп и мир наполнится Дорианами Греями, социальные функции, которые реализуется в современной цивилизации молодежью, претерпят существенные изменения. Ориентация в обществе на молодежь как референтную группу окажется неактуальной. Само деление по возрастному принципу в плане распределения человеческих ресурсов может утратить нынешние характеристики и будет оттеснено на задний план, например, дифференциацией по качеству ума или по способности к *пониманию*.

Возможно также и то, что приоритеты понимания в меньшей мере будут связываться с системой образования в ее современном виде, и потребуются ее существенная переориентация, чтобы преодолеть разрывы в социализационном процессе.

СОЦИОБИОЛОГИЯ, БИОСОЦИОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕОРИЙ МОЛОДЕЖИ

Перспективы молодежи, какими они могут стать в результате активного вмешательства человека в святая святых человеческой природы, ставят вопрос об актуальности такого направления исследований, которое на междисциплинарном уровне связывает изучение как социальных, так и биологических характеристик молодежи.

В этом направлении идеи высказывались неоднократно при обсуждении возможностей по разработке проблем молодежи на междисциплинарной основе. Так, еще в конце 1990-х годов И. М. Ильинский выдвинул для обсуждения несколько тезисов в пользу таких исследований, в том числе исходный: «Если человек — существо биосоциальное, то он должен изучаться как целое, в единстве его биологической и социальной сторон»²¹.

В начале XXI века эта позиция получает новые аргументы в свое обоснование. И они, как следует из рассмотренных перспектив молодежи, все в большей мере выводят молодежные исследования за рамки молодежи в принятом объеме понятия. Правомерно поставить вопрос о новом основании для развития *социобиологии*.

Социобиология в ее изложении Эдвардом Уилсоном, предложившим в 1970-х годах этот термин для закрепления «нового подхода» к синтезу наук о природе и обществе²², фактически была возрождением социал-дарвинистской концепции, которая берет начало в трудах Г. Спенсера. Это активизировало интерес к междисциплинарным исследованиям (в частности, в психологии), в то же время многие утверждения Уилсона не могли не встретить возражения (например, о морали как результате эволюционного отбора генетических качеств или патриотизме как следствии биологического механизма, связанного с защитой территории обитания)²³. Последующее развитие социобиологии по пути закрепления биологического детерминизма оказалось непродуктивным, и в современной литературе биологизация социологии рассматривается как попытка, окончившаяся неудачей²⁴.

Но не стоит ли подойти к проблеме с другой стороны и, не оставаясь в плену неодарвинизма, увидеть тем не менее тесную связь биологической природы человека с современным состоянием и путями развития общества? Собственно, это уже не социобиология, а биосоциология, которая находится в ряду с такими комплексными науками, как биоэтика, и состоит не только из совокупности теоретических идей, но и направлена на практическую реализацию социальных и культурных проектов с учетом значимости биологического фактора.

В молодежных исследованиях в этом плане актуальной может стать биосоциологическая трактовка возникающих проблем, порождаемых все большей близостью к временам постчеловека. В этом направлении можно ожидать новых продуктивных идей,

особенно в аспекте субъектной организации гуманитарного знания.

¹ См. об этих концепциях в нашей статье: Луков Вал. А. Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. 2007. №3. С. 70–82; №4. С. 87–98.

² Гуманитарное знание: перспективы развития в XXI веке : В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 158.

³ В рамках тезаурусной концепции гуманитарного знания мы трактуем тезаурус как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни (Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008).

⁴ Общие вопросы о трансгуманизме // <http://www.eternalmind.ru/content/view/67/57/>

⁵ ljob.ru/read/user/re3/70121

⁶ Мы встретили это выражение в одной из публикаций (www.timeout.ru/journal/feature/1627/1) и считаем его удачным для обозначения рассматриваемого феномена.

⁷ www.govoritmoskva.ru/sot/071225201000.html

⁸ <http://www.iisusbog.com/pagee176.htm>

⁹ См.: Carroll L., Tober J. The Indigo Children : The New Kids Have Arrived. Carlsbad, CA : Hay House, 1999.

¹⁰ http://fogmaker.net/post_1180814460.html

¹¹ Черноземова Е. Н. Новое сознание детей и старые проблемы взрослых // http://www.pedagogika-cultura.narod.ru/private/Articles/N_2006/Chernozemova_1.htm

¹² http://fogmaker.net/post_1180814460.html

¹³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура : пер. с англ. М. : АСТ ; АСТ Москва ; Хранитель, 2006. С. 605.

¹⁴ См. статью Б. Г. Юдина, публикуемую в этом номере журнала «Знание. Понимание. Умение».

¹⁵ Общие вопросы о трансгуманизме.

¹⁶ О гуманитарной экспертизе см.: Юдин Б. Г., Луков Вал. А. Гуманитарная экспертиза : К обоснованию исследовательского проекта. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006; Луков Вал. А. Гуманитарная экспертиза: взгляд экспертов-гуманитариев : Итоги экспертного опроса (май–октябрь 2007 г.). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.

¹⁷ Судаков К. В. Системокванты — основа голографического построения живых существ // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2007. №2. С. 11.

¹⁸ См.: Доведов С. Н., Луков Вал. А. Владельцы мобильных телефонов: тезаурусный подход к их типологизации // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 10 / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. С. 10–25.

¹⁹ Это название популярного диска (1993), использующего стилистику анимационного сериала Майка Джаджа, стало использоваться и как формула в обыденной речи определенного круга эстетствующих публицистов (см., например: <http://www.manuals.nsk.ru /!Magazines /Спец-Хакер/s008/012/1.html>). В дискуссиях о магистральных арт-стратегиях феномену В&В придается особая роль: «...делезо-гватта-

риевскую шизофрению 70-х сменила трэшевая тупость 80-х, а на смену тупости (еще вполне стихийной и расхлябанной) явился строгий и бескомпромиссный идиотизм 90-х. Легко убедиться, что психика Б&Б гармонично сочетает в себе все эти три диагноза» (http://old.russ.ru/ist_sovr/20000714_maizel.html).

²⁰ См.: Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи : Теоретические вопросы. М. : Социум, 1999.

²¹ См.: Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М. : Голос, 2001. С. 674.

²² См.: Wilson E. O. Sociobiology : The New Synthesis. Cambridge (Mass.) ; L. : Harvard Univ. Press, 1975.

²³ В отечественной литературе критические оценки социобиологии см.: Автандилян Е. А. Эдвард Уилсон: социобиология // Современная американская социология / под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 274–289; Сапунов В. Б. Человек: взаимоотношение социального и биологического: (Проблемы современной социобиологии) // Гуманитарий: Ежегодник № 1 / Акад. гуманит. наук ; гл. ред. В. Т. Пуляев. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1995. С. 50–58.

²⁴ См.: Richter D. Das Scheitern der Biologisierung der Soziologie : Zum Stand der Diskussion um die Soziobiologie und anderer evolutionstheoretischer Ansätze // Kolner Ztschr. fur Soziologie und Sozialpsychologie. Koln, 2005. Jg. 57, H. 3. S. 523–542.